

Двадцать третьего декабря температура резко упала. Каждый год с наступлением этих холодов Юй Тяо терзали кошмары.

Он обращался к психотерапевту. Тот ввёл его в гипноз и пришёл к выводу, что, скорее всего, именно в эти дни когда-то произошло нечто глубоко ранившее его — событие или встреча, оставшаяся неизгладимым следом. Юй Тяо и сам всё понимал, ему просто требовалось медикаментозное лечение. Чтобы проверить себя, он как-то раз установил у кровати камеру, запер дверь и за ночь в бреду не меньше десятка раз произнёс имя того человека.

Вот только теперь рядом с ним спал Лу Куаньдун. Прежде тот не обращал на него никакого внимания, так что волноваться не приходилось. Но нынешний Лу Куаньдун... Юй Тяо не утверждал бы, что тот вспылал к нему чувственной страстью, но кое-какая привязанность явно появилась.

Поэтому он подсуетился заранее и попросил врача выписать успокоительное. Лекарство действовало безупречно: он спал беспробудно до самого утра.

Управляющий, заметив, что в полдень юноша всё ещё не поднялся, заподозрил неладное. Постучав пару раз и не получив ответа, он взял дубликат ключей и вошёл в комнату. Пощупал лоб Юй Тяо, убедился, что жара нет и юноша просто крепко спит, и со спокойной душой удалился.

— У меня в доме зародился ленивец, — тихо произнёс Лу Куаньдун. Голос его звучал устало: последние двое суток он разрывался между заграничными и местными перелётами, только что закрыл крупную сделку, а на часах было часа три ночи. — Он что, так сильно устаёт в последнее время?

В его тоне не ощущалось гнева, поэтому управляющий расслабился:

— Возможно, всё дело в том, что в «Сноуфлейк» сейчас наплыв клиентов.

— Значит, пусть возьмёт пару дней отдыха.

— Но... господин Юй ведь сам любит там бывать. Вряд ли его удастся отговорить...

— Какая работа, если он валится с ног? — вздохнул Лу Куаньдун, понизив голос. — Передай кондитеру, которого мы наняли, чтобы тот время от времени брал больничный.

Управляющий опешил.

— Да и посетителям не обязательно ходить туда каждый день, — добавил Лу Куаньдун. — Ты столько лет со мной работаешь, а так и не научился проявлять гибкость?

— Да, — у управляющего от напряжения спина покрылась холодным потом. — Я всё понял, молодой господин.

— И заодно узнай, какие пирожные ему больше нравятся, — на одном дыхании, почти неразборчиво пробормотал Лу Куаньдун.

— Что?..

— Я не люблю повторять дважды.

«Поймёшь сам — молодец, не поймёшь — пиши заявление по собственному», — расшифровал подтекст управляющий. Мысленно проклиная замашки богачей, он лишь покорно произнёс:

— Слушаюсь, молодой господин.

В последующие два дня число клиентов в «Сноуфлейк» сократилось вдвое. Юй Тяо совсем пал духом:

— Может, стоит обновить меню? Сделать побольше осенне-зимних новинок?

Сяомань прищурил свои глаза-бусины, с чрезвычайно важным видом погружаясь в размышления. Казалось, сейчас робот выдаст гениальную идею.

Спустя паузу он скрестил тоненькие ручки-ниточки и выдал:

— Ага, точно!

Юй Тяо лишь вздохнул и повернулся к студенту. Цинь Цзуй лежал на столе, уткнувшись носом в локти, так что виден был лишь круглый затылок:

— Цинь Цзуй, а что у вас в университете сейчас популярно? Что чаще всего берут в столовой или в чайных?

Шёл обеденный перерыв. Цинь Цзуй неохотно повернул голову. Его веки были полуопущены, выглядел он вялым, да и говорил с явным гугнявым оттенком:

— Не присматривался. Знаю только, что мой сосед по комнате ради одной девчонки каждый день покупает клубнику и жареные каштаны.

— Для каштанов и впрямь самый сезон, — Юй Тяо отложил планшет и с беспокойством склонил голову набок. — Что с тобой? Плохо себя чувствуешь?

Цинь Цзуй прятал половину лица в широком рукаве кофты, на виду оставались лишь блестящие, вызывающие невольную жалость глаза:

— Всё в порядке. Просто немного простудился.

— Почему тогда не взял отгул? — заволновался Юй Тяо.

Цинь Цзуй глухо хмыкнул:

— Гэгэ, ты сам-то видишь, сколько людей осталось в заведении?

Юй Тяо осёкся. И то верно.

Здоровые брали больничные, а заболевшие стойко держались на посту. Знай Юй Тяо всю подоплеку этой «эпидемии отгулов», он, пожалуй, разозлился бы... и предпочёл бы сделать вид, будто ничего не заметил.

— А что с тем твоим другом, о котором ты говорил прошлый раз? Удалось всё уладить?

Цинь Цзуй в последнее время то и дело возвращался к этой теме. Юй Тяо ответил туманно, не ожидая, что парень так близко к сердцу примет брошенную вскользь фразу:

— Не знаю. Думаю, всё обошлось.

Он не лгал. С тех пор как Юй Тяо перекрыл денежный поток и объяснил вымогателю всю тяжесть статьи за шантаж, никаких сообщений больше не приходило. И всё же на душе было беспокойно — так бывает перед летним тайфуном, когда воздух натягивается тяжёлой струной.

Цинь Цзуй понял, что тот уходит от ответа (сумма вымогательства едва ли позволяла списать всё на «пустяки»), поэтому лезть в душу не стал. Пару раз кашлянув, он произнёс:

— Если что-то понадобится — обязательно скажи мне.

— Хорошо, — улыбнулся Юй Тяо. — А тебе, может, завтра лучше остаться в общежитии и отлежаться?

— Ну уж нет, — Цинь Цзуй приподнялся, сцепляя и расцепляя пальцы. — Дома только и делают, что сватают меня. На каждом шагу слезка, тошно уже.

О семейном положении Цинь Цзюя Юй Тяо догадывался и раньше, а после недавних слов Лу Куаньдуна окончательно убедился в своих догадках.

— В таком возрасте — и уже брачные узы?

Юй Тяо не понимал этих богатых наследников. Птицы в золотых клетках... Их судьбы, вероятно, расписывали на доске ещё в момент рождения или как только становился известен вторичный пол.

— Родители желают тебе добра, — попытался утешить его Юй Тяо, видя, как тот помрачнел.

— Может, твои — и желали, — Цинь Цзуй шмыгнул носом. — А мои ценят власть превыше всего.

Услышав это, Юй Тяо смешался. Он не знал, куда девать руки, и лишь неловко пробормотал:

— Что ж... видимо, мне этого не понять.

Сяомань, сидевший на плече Юй Тяо, тут же возмутился:

— Вы, вонючие альфы, опять расстроили моего управляющего!

Самое странное, что Сяомань по идее должен был больше привязаться к Тан Бо — ведь именно тот его купил. Юй Тяо обычно молчал и старался не привлекать внимания, но робот буквально лип к нему и защищал по любому поводу.

Тан Бо из любопытства даже откопал запылившуюся инструкцию. В ней чёрным по белому числилось: данный модуль ИИ способен считывать уровень страданий человека.

Чем выше фиксируемый показатель боли, тем сильнее проявлялась опека. Конечно, влияли и другие параметры — приятная внешность, кроткий нрав, симпатия, — ведь каждый электронный помощник обладает своей спецификой. И Юй Тяо идеально попадал под все критерии.

Тан Бо понимал всё, кроме одного... Откуда у Юй Тяо высокий уровень страданий? Внешне это совершенно не проявлялось.

Тан Бо решил, что прочие факторы попросту перевесили главный, отчего робот и души не чаял в Юй Тяо. Никаких иных доказательств чужой боли он найти не смог.

Цинь Цзуй, успевший привыкнуть к этой железке, сонно буркнул:

— Заткнись, а.

Он мельком бросил взгляд на Юй Тяо. Пусть он и не понял, какая именно фраза задела собеседника, робот врать не стал бы. Не рискуя приближаться слишком близко, Цинь Цзуй тихо спросил:

— Гэгэ, ты расстроился?

Юй Тяо и сам не мог разобрать, было ли это грустью. Просто слова «может, твои — и желали» заставили его оцепенеть.

Ведь у него никогда не было родителей.

Первым взрослым, которого он запомнил, был директор приюта. Затем — повар в столовой, постоянно обделявший его мясом. Когда во время эпидемии гриппа детям делали уколы, всем остальным подкладывали под руку картонную планку, а на него медсестре просто стало лень тратить время.

Юй Тяо не знал, как звали его отца и мать и почему они от него отказались. И теперь он даже радовался, что не познал от них ни капли тепла — иначе эта кроха ласки заставила бы его прощать их снова и снова.

— Нет, — искренне отозвался Юй Тяо. — Я вовсе не расстроился.

Цинь Цзуй хмыкнул, обращаясь к роботу:

— Слышал, колобок?

Сяомянь вспыхнул виртуальным восклицательным знаком:

— Юй Тяо добрый, Юй Тяо хороший! А ты глупый и злой!

— Отвали, — отмахнулся Цинь Цзуй.

Дзинь!

Дверной колокольчик звякнул, и в помещение вбежал курьер. С его плеча сорвался сухой лист и, прокружившись в воздухе, упал прямо к ногам Юй Тяо.

Сяомянь, храбрый только со своими, мгновенно спрятался за спину Юй Тяо и осторожно высунул мордочку:

— Это что такое?

— Мой заказ, — Юй Тяо погладил робота и поблагодарил курьера.

— Какие красивые цветы! — восхитился Сяомянь. — И пахнут совсем как ты!

Это был букет лизиантусов, обёрнутый в текстурную бумагу с драпировкой, а изнутри перехваченный цветным льняным шнуром. Из пышных бутонов проглядывали нежно-голубые соцветия живокости.

Букет казался не слишком большим, но когда Юй Тяо взял его в руки, цветы закрыли половину его лица. Взглянув на часы, он произнёс:

— Давайте сегодня после полудня закроем кондитерскую. Мне нужно отлучиться.

— Тогда Сяомянь будет скучать! Управляющий, нажми мне кнопку сна! — попросил робот.

Юй Тяо кивнул и осторожно коснулся лепестков. Отражение цветов в его глазах напоминало картины в тёмных тонах — вокруг стояла тишина, но от его взгляда веяло весенним теплом.

Цинь Цзуй как бы невзначай спросил:

— Это для Лу Куаньдуна?

— Нет, — возразил Юй Тяо. Он не стал уточнять, что несёт их очень важному человеку, лишь добавил: — Ему мои подарки ни к чему.

Вернувшись домой к обеду, Юй Тяо ответил на расспросы управляющего, что устал и хочет прилечь. На самом же деле он всё послеполуденное время провёл в гардеробной, выбирая наряд.

Управляющий обомлел, увидав его: Юй Тяо крайне редко надевал столь светлые тона — обычно его гардероб ограничивался серым, белым и чёрным.

Юй Тяо пояснил, что выспался и хочет немного прогуляться в одиночестве. Управляющий поколебался, но возражать не стал.

Вызвав такси, Юй Тяо указал адрес на самой окраине города С, вдалеке от поместья семьи Лу.

Город С всегда отличался шумом и суетой, и лишь на закате здесь воцарялось подобие покоя.

За темноватым стеклом машины небо казалось чистым шёлком, который окунули в краску и тут же вынули: закат переливался мягкими, неровными сполохами оранжевого.

Прижимая к груди цветы, Юй Тяо мысленно просил у них прощения за то, что продержал так долго на холодном ветру.

Лепестки подрагивали, щекоча подбородок. Тонкий аромат пьянил, убаюкивал и постепенно уносил мысли прочь, вглубь воспоминаний...

«— Да не стоит она ничего. Чем он там занимается?

Компания молодых людей сгрудилась в кучу. Один из альф снял с запястья часы стоимостью в несколько миллионов и небрежно похлопывал ими по колену, словно плёткой.

— Я же говорил, он в последнее время сам не свой, — подал голос омега с вейпом в зубах, поводя плечом. — Смотри не разбей часы-то, а то перед пацанами понтануться нечем будет.

Альфа сжал ремешок в кулаке и небрежно бросил:

— Разбьются — новые куплю.

Приятель рядом прыснул:

— Ну ты и понторез.

Тяжёлая пластиковая коробка с салфетками с гулким стуком врезалась Юй Тяо прямо в голову. Он поморщился, прикрыл ушибленное место и обернулся на звук.

— Эй! Подбери-ка все эти лизиантусы с земли и принеси мне!»

Юй Тяо вздрогнул и очнулся от короткого забытья. Наглые голоса из прошлого растворились в гуле машин и обрывках чужих разговоров.

Он инстинктивно прижал букет ближе, вспоминая, как те люди глумились ради забавы: стоит ему подобрать цветы, как они тут же втапывали их в грязь, давя каблуками, пока из лепестков не выдавливался липкий сок.

— Остановите здесь, пожалуйста, — попросил Юй Тяо, заметив впереди затор. — Сколько с меня?

— Пятьдесят восемь юаней, — ответил таксист. — Вы на кладбище? Лучше поторопитесь: там фонари сломались, ремонт идёт, в темноте ничего не увидите.

— Хорошо, спасибо. — Юй Тяо отсчитал наличные и передал водителю.

Зимой дни коротки: казалось, только мгновение назад горел закат, а вечер уже накрыл землю тяжёлым, давящим покрывалом туч.

Тени от сальных деревьев ложились на землю, пышной вязью напоминая кровеносные сосуды. Юй Тяо шёл медленно. Чем ближе он подходил к нужной аллее, тем сильнее трепетало сердце — но это был не страх, а трепетное ожидание.

Оно сопровождало его до тех пор, пока он не заметил чужую фигуру.

Какой-то человек стоял перед надгробием и нагло топтал ногами высеченное на граните имя. Цветы у подножия памятника были жестоко поломаны и растоптаны, словно после буйства стихии.

Сердце Юй Тяо ухнуло вниз. Он прибавил шаг, схватил незнакомца за плечо и развернул к себе. Предчувствие его не обмануло.

Наглецу даже в голову не пришло смутиться. Он лишь ядовито усмехнулся:

— Так и знал, что ты припрёшься. Даже в день его рождения побоялся прийти, слизняк.

Юй Тяо оставил оскорбление без внимания, но от вида растоптанной памяти у него перехватило дыхание:

— Жэнь Чжан... Это уже слишком.

Жэнь Чжан опустил ногу и сделал шаг вперёд, не намереваясь уступить. Юй Тяо невольно отступил.

Фигура святотатца больше не заслоняла надгробие, и на сером граните отчётливо выступили буквы — сначала фамилия Жэнь, а за ней и полное имя.